

Екатерина Макушина

Край конверта



АО «Воронежская областная типография»
Воронеж
2021

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6-5
М 15

Издание осуществлено при финансовой
поддержке Департамента культуры
Воронежской области

М 15 Макушина Екатерина.
Край конверта. Стихи. – Воронеж: АО «Во-
ронезская областная типография», 2021. –
152 с.

ISBN 978-5-4420-0897-5

© Макушина Е.А., 2021

* * *

Трава и трели, запах пряный,
Морщинки в зеркале воды.
Дышать в висок – и в чёрных прядях
Не видеть инея следы.

Как мало мне. Тасую числа.
Вот-вот отхлынет край пруда –
И поезд вспугнутый помчится
Из ниоткуда в никуда,

Купе прокурено от скуки,
Глаза сухи и воздух сух...
Как просто, вроде: смех, да руки,
Да одуванчиковый пух.

* * *

удовольствие видеть коробки многоэтажек
раскрашенные пронзительно-ярко радостно
глядящие небо голыми крышами
окна распахнувшие в наглой усмешке
я мол такой и сякой подпираю облако
я твой заветный плод наливное яблоко

а глядишь и что-то внутри подбирается
кажется вот-вот рванёт не то метеор
не то корабль инопланетных гостей
прямо в гущу многоцветья в бетонные лоскуты

удовольствие видеть хрупких в два этажа
с подслеповато поднятыми занавесками
молодящихся подкрашенных до наивности
чуть сильнее подуей завалятся набок
к изумленью непуганых воробьёв

а всего забавнее если рядом
звонкий богатырь пустая громада
с тихой игрушечкой под вуалью тюли

впрочем и порознь
глядя на тех и на этих
думается прежде всего о любви

* * *

С утра ей звонит командир подводной лодки,
Говорит резко, отрывисто, так,
Чтоб было слышно сквозь толщу вод:
С днём, всего самого, и желаю,
Чтоб твоя линия на белом листе
Была непременно прямой.
И ещё – заведи кого-то, кто ждёт,
Не мужа – так хоть герань.

Второй звонок настигает волной волну:
Тебя ещё не дёрнули в глубину?
Не слушай его, отрасти
Пару стальных крыл,
На десяти тысячах метров
Не видно свиных рыл,
И вообще – дальность высокая,
Расход горючего невелик.

Она благодарит со смехом,
Ловит приборой оставшихся звонков:
Здоровья, сил, жениха хорошего,
Люблю, целую, пока.
Она выходит на улицу,
Оглядывается, будто приехала издалека,
Достаёт из кармана мелок
И рисует оранжевых зайцев

От лавочки до бордюра,
В полдома, в полгорода.

Вечером ведущая, как всегда,
Расскажет о самолётах и подводных лодках,
Будет вести указкой по карте,
Ощетиненной красными точками.
А из-за её плеча подмигнёт оранжевый заяц.
Перед экраном выдохнут:
Можно не пить валерьянку,
Не скандалить за ужином,
Просто лечь и обнять подушку.
Ведь солнце снова проснётся.
Оранжевое.

* * *

I

Кто-то
Приезжает в мой город
Находит повод
Подбирает билеты
Смотрит как мелькают в окне столбы провода

Он подходит к дому
К моему серо-красному дому
Запрокидывает голову и глядит

Так пьют после долгой жажды
Тянут и тянут большим глотком
Утолить не выходит

Я не знаю зачем он здесь
Может видел в кино
А может во сне
А может
Именно этого крохотного квадратика
Моего балкона
Ему не хватало чтобы собрать мозаику
Между рёбер

II

Здесь кругом голубое и белое:
Снег и куртка,
Облака и шапка,
Пар моего дыхания.

Проложить цепочку следов,
Прочитать Чертаново
По углам балконов,
По расцвеченным окнам –
Я не знаю, которое здесь твоё,
И к чему мне знать?

Наливается ветер синевой и морозом,
Возвращаются дети с пёстрыми ранцами.
Из дверей торгового центра пахнет кофе
и курицей.

Я стою, и щиплет щёки, и ноют пальцы.
И любви – на каждый вдох.
И ещё останется.

* * *

А знаешь, в самом пиковом раскладе
Так мало будет разницы меж нами.
Когда берут не в розницу, а скопом –
Не щупают, не смотрят на цвета.
Ты на меня, понятно, пишешь первым,
А на тебя – с усмешкой – кто-то рядом.
И мы сидим, уткнувшись лбом в колени,
Не распрямиться: низкий потолок.

Я знаю – это вряд ли, это слишком,
История не любит повторений
Буквальных: те же люди, то же место
И те же звёзды вбиты в небеса.
История – наместница намёков,
Ведущая весёлой викторины.
Отсюда – кровь, оттуда – снег и копоть,
И крышка не сумевшим разгадать.

А впрочем, и сумевшим – что за выигрыш?
Не я сдаю. Тяну рубашкой кверху.
Учебник мной залистан-перечёркан,
А ты – с портретом, флагом и крестом.
Когда мы оба будем шмыгать носом,
Размазывая сопли цвета вишни,
Вся разница – в моём хрипящем «суки»,
В твоём, светло дрожащем на губах:

Екатерина Макушина _____

«Передайте товарищу S
Что произошла
Чудовищная
Ошибка»

Детская энциклопедия

Двадцать лет страницам,
Новый век – отвык.
Нам дарили книжки,
Детям нулевых.

Про нейрон и клетку,
Про огонь и яд
Рядышком на полке
Томики стоят.

Сядешь, пролистаешь –
Мир, как шар, надут.
Надо падать на пол,
Если нападут.

Не ходи на стройку,
Не дразни собак.
Бьются под обложкой
Голод и ГУЛАГ.

ДНК и Дарвин,
Резус у макак;
Не ходи на митинг,
Митинг – это как?

Мчит ракета в космос,
Колют лёд суда.
Расстреляйте скопом,
Быстро, без суда.

Нынешним – не надо,
Нынешним – уют.
Песенку весёлую
Пусть они поют.

Пусть шагают в ногу,
Отбивают такт.
Вырваны страницы
Про Сибирский тракт.

Пыльный май – в ладони,
Жёлтая жара,
Погнута решётка
Школьного двора.

Ты глазами ищешь
Прежнюю тропу...
Не дразни собаку.
Не ходи в толпу.

* * *

...А если устанешь от сказок и песен,
Стобашенный город окажется тесен,
Захочешь узнать от тоски иль от злости,
А чьи же в овраге валяются кости –
Клубочек в дорогу, мешок за плечами,
Весь свет обойти и вернуться к началу –
Чумная, чудная, завидная участь.

Иванушке – бляеть козлёнком, не мучась,
Алёнушке – плакать, царю – пировать
Да с Марьей Моревной ложиться в кровать,
А ты усмехнёшься, ославленный воров,
И станешь прохожих смущать разговором,
И угли под крышей, и царский указ,
И снова – облава, повозка, баркас,
Кощеева стынь, самоцветные горы...

Не пей из копытца – проснёшься нескоро.

... С дикими гусями

А Мартин возвращается домой.
Точильный камень дремлет на ступенях,
И грезит нож: забрызжет кровь на перьях,
И станет птичник плахой, не тюрьмой –

А Мартин возвращается домой.
Издалека, от Северного моря
Чьи воды смыли вовсе боль и горе,
Где было снежно ласковой зимой –

А Мартин возвращается домой.
На что ему гусей домашних стадо?
Пшено в кормушке – большего не надо,
От хлева до поилки – по прямой –

А Мартин возвращается домой,
И, может, южный ветер стоит риска,
Над крышами, над шпилями – так низко,
И девочка, без шапки, босиком,
Ладонку приложила козырьком,
Следя и повторяя: «Боже мой!» –
Как Мартин возвращается домой.

* * *

Клокочет дождь, расклеился январь,
Как будто дальше – зной и медуницы,
А новости забудь, не открывай
Размноженные марки страницы:
Всё те же флаги, галстуки, кресты,
Всё та же тень забронзовелых крыльев.
Пока ещё гуляешь – не накрыли,
И с новой строчки разбираешь ты,
Как в чёрный хлеб подмешивают хмель,
Как засыпает опоённый город...

Даруй мне жить в эпоху перемен.
Даруй, не ограничившись погодой.

* * *

Говорю: мне горек снег и нора тесна.
За морями, за холмами встаёт весна,
От её дыханья плаваются холода,
Слышишь – кап да кап – она ведь спешит сюда.
Говорю: ей-богу, до утра не усну.
Побежим по лужам – вместе встречать весну.
Ну и что, что ветер, мусорки, вороньё,
Да хотя б и клюнут – кликнем зато её.

Мне в ответ – чудные, ловитесь на блесну.
Говоришь – весна? Я видел твою весну.
Не грозой, но грязью. Голоден был и гол.
Ты поменьше слушай, что напоёт щегол.
Затвори окно и дверь спиной подопри,
Не ходи далече, за море не смотри.
Вас обманет даль, искусное лжи витьё.
Да, не рай, не май, но чем тебе не житьё?

Жди – не жди – под горку катится колесо,
Догнивает пень и трескается яйцо.
Золотая цепь порядка, к свободе мост –
Всё едино – змей, жующий себя за хвост.
За метелью – зной. Чем жарче – тем холодней.
На века загадка, нам ли жалеть о ней?

Край конверта

Здесь капель и слякоть. Изморось. Стук по льду.
Я толкаю дверь.
Мне холодно.
Я иду.

* * *

Садилась ужинать, зажигали сонную лампу
Под густо-синим матовым абажуром.
Сынишка целый день охотился в джунглях,
Принёс пантеру – вата лезет из лапы.

А дочка в косу вплетает жёлтые ленты,
Сажай её на колени, качай, баюкай.
...Стекло и темень. Лестница. Крыса юркнет –
Не то, не к нам. У нас молочное лето.

Стучать – напрасно. Не откроем чужому.
С болот, из бора. Тапки на босу ногу.
Глоток воды? Погреться бы хоть немного?
Ступай-ка в лес, свезёт – и отроешь жёлудь.

В кастрюле тесто – скоро пирог поспеет,
Под стулом тесно – будет целей макушка.
Ну что ты, милый: главное – сладко кушай.
Молитва на ночь, пегих ангелов пеньё.

А штора – шурх, а боязно глянуть вниз-то?
Ремни и рёбра, автоматами – в ров:
Сперва они приходят за коммунистом.
Сперва всегда приходят за коммунистом –
А ты ещё успеешь доесть пирог.

* * *

*Сколько зим, сколько лет,
Сколько вод утекло...
«По высокой траве», Любэ*

Просто клип из моих нулевых:
Самолёт и улыбка в глазах
У того, кто приник и привык –
По прямой и ни шагу назад.

Мне тринадцать, и хочется пить.
Сладкий квас обнимает гортань.
Мой июнь – не разъять, не скопить
На такой же, без складки у рта,

Где полощется флагами синь,
Где цветные и быль, и война,
Где на ворох измятых Россией
Мне простая досталась одна.

Наши игры – герой на врага –
Стасовались, как пыль в рукаве.
И бреду я к другим берегам
По высокой, высокой траве.

* * *

вера сергеевна подаёт на развод
на столе мирового судьи заявление в три строки
ваша честь моя пудра уже не берёт синяки
я добром прошу «уйди»
он икает хватает ствол

марья петровна покачивает головой
глядит с осуждением
ну подумай хоть и дурак да свой
помнишь то колечко на день рождения

ну куда ты с детьми неделя зубы на полку
ой наплачешься ой пожалеешь гордая
видно тебя в интернетах сбивают с толку
блогеры инстаграмщицы забугорные

ты меня не слышишь глупая голова
погоди рубить
ну хоть рассуди сперва

марья петровна смотрит подруге вслед
хочется плюнуть уж так терпения нет

что ж
пора подниматься готовить ужин

разувать в прихожей в хлам поддатого мужа
замахнётся – ладно
он ведь любим и нужен

марья петровна держится за бока
рёбра ноют но видно целы пока

* * *

То ли вордовский лист, то ли Яндекс на минималках:
Обронили слово – подхватывай, умножай,
Лишь бы бодренько, легко, по возможности марко,
Что останется в вечности поисковых запросов.
А за первый слой заглянешь, милый – и без толку,
Даже если пароль подберёшь и запустишь вирус:
К тараканам в моей голове
У тебя не окажется права доступа.

* * *

В девяносто девятом, когда пионы были по грудь,
А компьютеры – в пол земного шара,
Она поднялась на чердак,
Воткнула провод – розетка поддалась голубыми
искрами –
Подождала, пока махнёт флажок
«Привет тебе, юзер»,
Пока прогрузится Интернет Эксплорер.

Она хотела скачать
Цветное, мелькнувшее яркой обёрткой,
Будто дрожащая бабочка меж пальцев.
В окошке побежала загрузка
с ободряющей надписью:
«До окончания двадцать лет, два месяца
и восемь часов».
– Ба, дедуль, вы слышали? Не выключайте!
Уехала через пару дней,
Заглядывала на каникулах,
Потом – после сессии, после госов,
В отпуск.

И вот, с кареглазым мужем,
С лялей в коляске,
Она приезжает разобрать чердак,
Откапывает собрание сочинений Гоголя,

Осиное гнездо, спартаковский шарф –
И файл, скачавшийся позавчера.
А дальше? Дальше-то что?
А я и не знаю.
Оставим её, положившую руку на клавиши,
Глядящую в мерцающий монитор
с тем самым видом,
С которым я сейчас на тебя смотрю.

* * *

расползаясь по зонам комфорта
заворачиваясь в одеяло
мы становимся так по-весеннему беззащитны
будто толстый ленивый кот завалившийся на спину
подставивший белое брюшко в свалявшейся шерсти
ну давай почеси почеси
погладь за ушами
я верю
в руках твоих
ждёт меня не тычок
а кусочек рыбки
серебристой
нежной
с розовым плавничком
обними меня мир
я твой ласковый ласковый котик
в карантине в картине
раскинувшись на кровати
я пою я влюблённый по самое горло
в тебя

* * *

Я не видела счастливей весны.
В мать-и-мачехе купается март.
Разливаются сосновые сны
По укрытым запоздало домам.

Не зови меня назад, погоди,
Будет время – на замок, под зарок.
С небом нежности один на один –
Кто упомянет набегающий срок?

Воля вольная, пройти по тропе
Тихо-тихо, не винясь, не спеша...
Кто-то с пеной о столпе, о толпе.
Мне бы – чуточку ещё подышать.

* * *

Синий цвет подснежники роняют,
Вьётся вирус вешнею тропой.
Что же пригорюнился, румяный?
Две бумажки хватит на пропой.

За неделю на год станешь старше,
Сделан шаг, отброшены пути.
Ждёт тебя с утра на Патриарших
Старый пёс, бездомный без пяти,

Где твердят несытые: «Не суйся,
Мало нам скатившихся скотин?»
И ведут в участок Иисуса,
Что опять нарушил карантин.

* * *

«пора умножать» говорит иванов
берёт из принтера стопку бумаги
и складывает журавлика аиста
парусник подводную лодку
настежь распахивает окно
сводит лопатки под сквозняком
ну давай же лети-пльиви
бледная стая

иванов наливает доверху
с кружкой плюхается за комп
час выстукивает эротику
про веснушчатого программиста
и гарем весёлых эльфиек

иванов заливает в ютьюб
видео «я танцую ламбаду»
длительность ноль три сорок шесть

иванов рассылает «как вы?»
маме боссу соседу с дрелью
участковому
бывшей тёще

иванов засыпает под утро
тихо выплясывают под веками
аисты корабли эльфийки
в ком-то из них
он уцелеет
обязательно

* * *

Тихо, началось, идёт экзамен.
Липы льнут к нагретому стеклу.
Душный воздух загустел и замер.
Пальцы, парта, волосы в меду.

Сохнет глотка, голосу – плотина,
Так палит, что лень поднять глаза.
Циферблат, окружность, паутина,
«Вы учили?» – нечего сказать.

Зной июня, терпкая забавность,
Кто-то охнет – обморок – к врачу...
Я тяну билет и улыбаюсь.
Может быть, по силам получу.

* * *

И лицо подставить ветру,
И за шкаф закинуть шарф.
Отсыпаться на рассвете –
Был бы к ночи лёгким шаг.

Сны да пляски, смех до тряски,
Маску – маме, солнце – в грудь.
Неотгаданной развязке
Обещать: «Когда-нибудь...»

Гладить вечер, пыльный, вешний,
Чтоб звенела голова...
Скоро вызреют черешни.
Остальное – трин-трава.

* * *

Самара – Лиски.
Скомканный платочек
В ладони прячу, опускаю в мусор.
Соседка смотрит через стол, прищурившись.
Я достаю ещё. Вчера до ночи
Бродила и спасалась горьким чаем.
В плацкарте, как обычно, сквозняки.
Сентябрь: то отопление врубают,
То кондиционер.
Соседка цедит:
– Так вы больны?

Уверены?
Ну ладно –
А то бы надо меры принимать!

Ныряю с головой под одеяло.
Лежи, замри, не дёргайся, ни звука,
На следующей станции проверка,
С термометром заглянет проводник,
И если больше – кто тебе поверит,
Что там, внутри, тягучий волжский холод,
Невысохшие лужи у столовой,
Пустая стынь постели несогретой –

А не зараза.
Господи, люби
Еретиков, поэтов, альбиносов,
С чужим разрезом глаз, с чудным акцентом,
Ложющихся не с теми и не так
В неразрешённой позе Камасутры;
И дай билет – купейный ли, плацкартный,
На боковушку возле туалета,
Но только без термометров казённых.

...Соседку с Днём рождения поздравил
Прорвавшийся издалека звонок.
Она, дослушав, всё в окно глядела –
Я просипела тоже «Поздравляю».
Я вышла в Лисках через два часа.
«С капустой – перекусите в дороге», –
Она твердила.

А температура
У всех мигнула тридцать пять и пять.

* * *

Тропинки, строки, повести –
Негадано, нечитано,
А хочешь, сядь за новости,
Листай да пересчитывай.

Пспеют квас и яблоки –
Что на реку, что по полю
Бежать блаженно-маленькой
Дюймовочкой из подпола,

С оврагами да кочками
Играть в орла и решку...
А жизнь такая сочная.
И так красна черешня.

Екатерина Макушина _____

Ветер с морей

I

В двадцать первом
Приходит Грэй
На подводной лодке.
Заглушив реакторы,
Подымает перископ
И глядит на пирс,
На галечный пляж, на веранду,
Где под Леди Гагу отщёлкивают каблочки.

А Ассоль в разбитых кроссовках, линялых джинсах
Возвращается из районного суда,
Где четвёртый год раскладывает бумажки,
Подшивает дела и вертит в кармане камушек
С берега моря,
Самого синего моря,
Чей прибой накатывает солёным матом.

Ассоль зачерпывает ладонями
Немного брызг.
И пальцы жмутся к вискам.
До дома – полкилометра
Горящих букв – меняю-даю-беру,
Косых заборов, обколотых школьников в арках.

И ловит Грэй её уводящую талию,
Коленки пенят гладь беспечальных мыслей.
Спускается Грэй высчитывать дифферент –
Чтоб лодку не тянуло вниз ни кормой,
Ни носом, чтоб хранила равновесие
Под новым грузом –

Блаженное равновесие,
Что ему вот с этой самой секунды
Недостижимо.

II

Только жму Вашу руку – и волю рулю,
И поменьше прорех расписным парусам.
Это детские прятки: люблю – не люблю.
Вроде хочешь укрыться – покажешься сам.

Ну не надо, не надо. К пилотке ладонь,
О какой же ещё помечтаем земле?..
Мой невыпитый шторм, мой необжитый дом –
На чужом корабле, на чужом корабле.

III

Снаружи уже накрапывает дождь,
Пока ты пишешь мне четыре строчки на память.

Я будто колы глотнула:
И колко, и сладко,
В носу пузырится смех.
Пытаюсь придумать, ну что сказать
В эту – в эту – в эту секунду.
Шевелю губами – конечно, молча.
Ты поднимаешь голову, улыбаешься.

Хоть сейчас, листая ленту,
Сок захрустывая чипсами,
Натыкаюсь –
И та улыбка
Одним стежком
Прошивает насквозь.

IV

Зонт распахивается парусом,
Снялся с якоря – и вперёд.
Знаем-плавали: чуть распаримся –
Вмиг до ниточки проберёт.

Питер – посуху аки по морю,
Цифры побоку, звонче смех.
Лейте полную, жарьте омуля,
Мне ли с песней – одной на всех?

Зонт – лазури, рукав в полосочку,
Из ладоней бежит Нева.
На брусчатке – на тонкой досточке
Я встречаю девятый вал.

V

А я в море ходил, а я счастья искал,
– у калитки твоей по колено трава

Полоскался мой парус в чужих облаках,
– пьяным дедом шатается серый забор

А я сети раскидывал, знал-поджидал,
– на дворе лопухи, из-под крыши – вишняк

Мы в бочонках катили тоску и треску,
– паутиной ослепшие окна глядят

Я спускался с ножом, я тянул жемчуга,
– бирюзовая капелька в колкой траве

Привезли сундуки – на причале стоят,
– эта брошь – да за грош, ты носи, не забудь...

То ли звонкое золото тянет карман,
То ли ветер за шиворот тащит в кабак.
Прицепилось репьем – и не сбывать, не стряхнуть:
«А я в море ходил, а я счастья искал...»

VI

Подводная лодка не помнит моих глаз.
По ржавому трапу на палубу – скрип, скрип.
Мы в рубку, мне руку, тихонечко вниз – лаз.
Горланят бакланы, и тонок, и дик крик.

Отсек, переборка, и нет у волны дна,
Качай меня, белая, жди да гляди вслед.
Уходим из холода, вязко моим снам.
И глаже, и глубже – и вот перископ слеп.

Нейтральные воды, невидимый нам свет,
Мы мера, мы между, мы изгнаны извне...
Подводная лодка, изнанка твоих век,
О доке – на вдохе – молчит и молчит мне.

VII

*Komm in mein Boot
ein Sturm kommt auf
und es wird Nacht*

“Seemann”, Rammstein¹

¹ Сойди в мою лодку:
приближается шторм
и наступает ночь...

Моряк, Rammstein

За окном светает, пора в постель –
Я не пью одна и не жду гостей.

Только тряпка с полки сметает пыль
Да хрипит «Сойди в мою лодку» Тилль.

А под лодкой штиль, под рубахой соль –
Не прорвётся в окна твои муссон.

До полудня спать, паруса тая.
Ой ты лодочка полосатая...

VIII

Он приходил с моря, складывал сети,
Тащил на пристань рыбу в смолёных бочках.
Выручив горстку серебра, возвращался домой,
Ставил доску, прилаживал лист бумаги –
Жёлтой, ссохшейся от солёного ветра.
Он бранился и рисовал море,
То, с которым сросся хребтом и глоткой,
То, что наотмашь било – ан не убило.
Хорошо выходило? Да бог его знает.

Она садилась на камень, поросший мхом,
Альбом раскрывала. Тихо шептала кисть

Рассеянными мазками – не как учили.
Кипела пена под ласковыми руками,
Не знавшими розги выкрученных канатов,
Заноз на вёслах никогда не цеплявшими.
Рождалось море, проливалось по капле
К её ногам, уставшим от пыли города.

Чьё солонее, синее – гадай, прохожий.

IX

Так сливается шум торпеды и шум цели,
Так отлив уходит в море луне навстречу.
Так раскалывается камень – а был целым,
И ложится тень камня тебе на плечи.

Так идут кашалоты на зов эха
Без замеров, без расчётов, без лоций.
Чемодан, полка, повесть – пора ехать
И с размаху о твой взгляд расколоться.

* * *

Взяла два початка, не думая, не вспоминая,
Сварила в кастрюле, слегка присыпала солью.
Прикрыла глаза от солоноватой сладости,
Щёлкнула пальцами: «Где же совсем недавно,
Где?..»

И дзинькнуло:

Питер – жёлтый прилавок –
Ступеньки собора Святой Катерины.
Жаром в ладони – жгучими зёрнами –
Полчаса до встречи с тобой.

* * *

Роняла камни,
Роняла в волны,
Болтала талый
Закисший снег.
Озябшим горлом
Глотала воду,
И грела воля,
И жалил смех.

Отмоет – море,
Отмолит – море,
Отнимет – море,
Вернёт волна
Густые горы,
Листы и годы,
Щепотку соли,
Вершину дна.

Гуляет водка,
Горланит галка,
Роняю камень –
На сердце щит:
А сердце в утке,
А утка в лодке,
А лодка в волнах –
Ищи-свищи.

* * *

Холодно в холле, холодно в спальне –
горькую выпить,
Лодка и листья, жёлтые лисы –
хочется выплыть.
Палый и талый – твари по паре –
тлеют бурьяном,
Сыро, а я бы – в белый ноябрь,
в колкий ноябрь.
Стылое пламя, хлюп под ногами,
гроздью рябины – шуточки,
Отогревай змеиным загаром –
солнечный мой, чешуйчатый.

* * *

Василиса, лисонька, во лесу
Я тебя до просеки донесу.
Так бела лицом – обовью кольцом,
Выйди, выйди, ясная, на крыльцо.

Не невеста нежная, не жена,
В волосах кленовая рыжина.
До лесного озера за водой –
Чешуёй горит на заре подол.

Говорили мамушки – не гляди,
Он оставит жало в твоей груди.
Золотой узор, огневая вязь –
Проходи сторонкою, не дивясь.

Василиса косу плетёт ко сну,
Рыжей спинкою прошмыгнёт к окну.
И на горло – коготь. И за края –
Василиса, лисонька, жаль моя...

Domini canes, Господни псы, судьбы – пылинками на весы, не перевесить охоту на ведьм загнанному «не верь». Пётр опускает в карман ключи, дескать – отказано без причин, дескать – ещё не гулять в раю, чашу испей свою.

Так начинается серый круг: хруст кулаков, сплетение рук, рваные борозды от ногтей, «Как назовём детей?»

Чаще – на землю ступает первым, чаще – спиртом латает нервы, ловит, зол и слегка поддат, переплетенье дат.

В её привычках являться под занавес: карты сброшены, грянул благовест; нить, несчитаны узелки – да не разжать руки. Кинозвезда на выцветшем фото, бледно-шалый оскал с эшафота, лагерный номер, повязка-свастика, мел, асфальт, «поиграем в классики?»

Шепчет: всё истлеет однажды, у судьбы не просил невест, homo homini, ну признай же, в нашем случае lupus est. Та смеётся – никчёмный довод, льнёт, пуглива и горяча.

Пётр подкидывает в ладони позабытые два ключа.

² Homo homini lupus est – человек человеку волк (лат.)

* * *

На Владыкино продувает куртку насквозь.
Мне сегодня в ночь – нестись по сырым следам.
Мутный жемчуг фонарей, эскалатора хвост,
На запястье нитка – выкуси, не отдам.

Костяная побрякушка, крути-верти,
Чёрный чай без сахара – жар подкатит волной.
Уверю: власти нет в тебе надо мной –
Выдыхается только тихое «Отпусти».

И несёт меня по щиколотку в листве,
Усмехаешься: следи за спиной хотя б.
Укрывает нас изнанкой лиловых век
Самый тёплый за последние сто – октябрь.

* * *

Братец Лис, веселись, я опять влипаю в смолу.
Четырьмя влипаю, чтоб уж наверняка.
Помнишь, давеча раскланялись на углу –
Обдало золой прищуренного зрачка.

Из-под лап лавиной – горькая рыжина,
Я по горло полон, до иссыхания пуст,
И пора за торг, известна моя цена:
Не бросай меня в колючий терновый куст.

Я на выдумку хитёр, на расправу скор.
Запетлять, запутать, вырваться без следа,
В сто какой-то раз моё несытое «да»
Затереть, заштопать, утрамбовать песком.

Ты ступаешь мягко. Ты уводишь на дно.
Выцветает эхо, стелятся голоса.
Ну довольно, ишь, заладили об одном:
«Не бросай меня, пожалуйста, не бросай...»

* * *

А дождя не случилось –
Только тоненький росчерк
На подсохшем асфальте
Нераскрытым зонтом.
Поутру на перроне
Будет звонче и проще,
А пока помолчать бы –
Да молчу не о том.

От фонарного света
Нас уводит дорожка.
Обронили перчатку
И в листве не найти –
На замёрзшей ладони
Рисовать понарошку
Перевитые кольца,
Обходные пути.

Два щелчка и направо,
Замусоленный номер.
Протекает за штору
Синева ночника,
И никто не изломан,
И никто не виновен.
Просто охнула осень.
Просто жарко зрачкам.

* * *

Без дома, без воли, без страха,
Как дышащий камень пустынь,
Ползи по песку, черепаха,
Укором ленивым застынь.

Я сам – из песка и рассказов,
Я лунный заштопанный шар,
Не скулы, но острые скалы
Я взмахом руки сокрушал.

Так что мне лоза и лобзанья?
Отринь, отступи, не гляди.
Мне твой Ханаан наказаньем
Горит и горит впереди.

Постыла небесная манна,
Телец золотой охромел,
Иди же сейчас, без обмана,
Пока легковерен и смел,

Пока, сновиденьем измаян,
Победу несу на крыле –
И ноги твои обнимаю
В далёкой гесемской земле.

* * *

*Отпусти его с миром, скажи ему вслед,
Пусть он с этим проклятьем уйдёт:
Пусть никто никогда не полюбит его,
Пусть он никогда не умрёт.*
«Джульетта», Наутилус Помпилиус

Я шагаю в вагон, капюшон на глаза,
Привалиться к стене и дремать, и дремать.
«Наутилус» в наушниках, тянет рюкзак,
Слева звон-перезвон, справа мат-перемат.

«Отпусти его с миром» – чего ж не идёшь?
«Пусть никто никогда...» – да и я не отдам.
И дрожит на ладони тоннельная даль,
По верхам разбегается дождь.

Вырывается поезд на влажный простор,
Догорает платформа обрывками дня.
И бессильно застыло плакатное «Стой!»
Над тобой, обхватившим меня.

* * *

Минус десять. Москва. Тонкий пояс реки.
Белоглазый мороз то прижмёт, то укусит.
Маросейка, Ордынка... Дома-лоскутки.
Прыгнет кошкой закат – загулявшийся, куцый.

Он погонит в метро: пять шагов по прямой.
Под землёй, за стеной – и спокойней, и проще...
Пальцы щиплет. Пора возвращаться домой.
Только ноги ведут на Болотную площадь.

* * *

Пристегните ремни, положите под кресло рюкзак.
Мы идём на посадку – ни облачка, тишь-благодать.
У соседа по креслу блаженно прикрыты глаза.
Ну а вам с высоты всё равно этот дом не видать.

Он остался давно за спиной, за крылом – позабыть
Вам пора бы о нём и вернуться на старый маршрут.
Впереди всё одно – тот же сад, тот же сон,
тот же быт...

И неужто вы верите сладким её «Напишу»?

Нас трясёт помаленьку – но это пустяк, командир.
Сколько раз прорывались, смеясь,
из грозы и пурги!

Не смотрите назад, не смотрите назад, не гляди-
А, не всё ли равно? Эти слёзы – не горше других.

* * *

О чае с молоком, о ветчине,
О каплях неба в сизой мути Темзы,
Мой друг, вы иногда пишете мне.
Охота думать: всё осталось тем же.

Охота разбирать узор метро –
По синей ветке вверх, без пересадок –
К дорожке узкой дремлющего сада.
Покуда ждёт, покуда не засох...

Идём вперёд – а всё на память падки.
В горсти сжимаем пролитые дни...
А лебеди? – А лебеди в Хайд-парке.
А вороны? – Госкую и по ним.

* * *

Хорошо, когда ветка – прямо в аэропорт:
Просто сел в вагон, добрался за полчаса.
И лежит в ладонях взлётная полоса.
Коридор открыт. Ты голоден, бодр и горд.

Ну а мне собраться – дело на пару лет,
И не спрашивай: «Соскучилась?» Вовсе нет.
Рельсы-насыпи, визы-штампы, толпа под дверью,
«Вылетайте». И хочется, и не верю,

Что меня уже не тянет багаж к земле,
Что смеётся день полосками на крыле.
Многолюдный зал, улыбка, такси, дорога,
«Обними уже. Соскучилась?»
Есть немного.

* * *

То ли штору спустить, то ли в окнах
считать огоньки.

Вон и скорый навстречу –
зелёный грохочущий панцирь.

В темноте растираю твои отогретые пальцы.
Мы уже не замёрзнем. И путаться нам не с руки.

Полустанок лесной, прогуляться – без малого час.
Видишь, ящерка к камню,
как к милому другу, приникла.

А за синим забором вовсю поспекает клубника.
Не успеешь распробовать – время, колёса стучат...

И куда завернёт наш без карты
проложенный путь?

Столько ждёт впереди семафоров,
разъездов и станций,

Мы одну пролетим, на другой –
отчего не остаться?

Только будь моей ящеркой,
будь моей ящеркой, будь...

* * *

Змеи приходят с болот под конец весны.
В колкой мокрой осоке не видно глаз.
Умоталась, шепчешь в подушку сны.
Под дощатым полом – в полпальца лаз.

Сны-певуньи тренькают и звенят,
Под коленкой – сбитая простыня.
Тонкая чешуйчатая игла
Красной нитью наволочку заткала.

Красным платом выстелется восход,
Тебе ляжет под ноги до ворот:

Траву косить,
Воду носить,
Пить до дна,
Хохотать спьяна,
Ночевать красе
В медвяной росе,
Где камыш высок,
Где брусничный сок
Пригоршнями пьют...
Где змеи поют.

* * *

По капле река истекает из неба –
Ласкаясь, раскинулась тёмная гладь.
Пока я пригрелся... и, кажется, мне бы
Какого ещё наслажденья желать?

Трава – половодьем, тугая, живая,
Прихлынув, размочит твой чёткий овал...
Словами без снов облака уплывают
В Неваду, где я никогда не бывал.

Лето

I

Говоришь – не можешь наговориться.
Щёки, лоб, затылок горят от зноя.
Дождь вот-вот...

но пыльно, и нет дождя.

Босиком по тропке на серый берег,
Даже там тугая корка растрескалась.
Там – шепчи камышам и кубышкам,
Там – кричи одурелой чайке
Заблудившейся...

И слова полынными каплями –
Горькими – яблоневыми –
Терпкими –
Пряно-вишнёвыми, жгуче-крапивными
Станут падать –
 падать –
 падать...

Некому подставлять ладони,
Собирать по капле в горсти.
Пусть на вдохе уходят в землю,
Пусть напоят...
Под босыми ногами – колко,
Слышь, камыш лепечет и мечется,
Погляди: у влажных корней
Из пыли прорастают ящери.

II

Девчонка по тропке
Босыми ногами
Так быстро перебирает,
И рвётся дыханье,
И жизнь ликует
В топоте голых пяток.
Полынным лугом да гребнем берега –
Ну, скорее, скорее!
Кто за нею?
Вот-вот нагонит...
Ай, не видно в траве,
Только гуще алеют щёки,
Только жажда палит в глазах,
Только солнце метит в ладони
Спелым налитым яблоком...

Просыпаюсь. Так чутко, сладко
Дремлется у реки.
Над моей головой раскинуло
Ватные крылья облако.
Гребнем берега, лугом полынным –
Только пыль, да осы, да ветер...
Я бреду по голой тропе.
Незачем убежать.

III

Из последних недель августа
Принесу я горсточку слив –
Иссиня-чёрных, с лопнувшей кожицей,
Изнывающих липким соком.

Каждую – выпиваю до косточки.
Зарываюсь щекой в траву.
Под моими пальцами – корка
Вызревшего земного шара.

Я раскрою его в ладонях,
Я напьюсь розоватой мякоти,
Брызжущей на кожу и волосы
Терпко-пряной влагой росы.

И не всё ли тебе равно,
Что я делала этим летом?
Может, чьи-то искала губы,
Может, глазами ловила ящерок,
Может, запрокинутым лбом
Прижималась к жаркому небу...

Главное – сливы поспели на диво.
Угощайся.

* * *

О ржи, о лжи, о ржавчине — дрожа.
В озноб — из жажды. Знаешь ли, зачем?
Дождём не остужаемый пожар —
Твой рыжий блик на ободке ключей.

Шуршащий шаг, шестое чувство сна.
В основе — синюю — сила осязать
Твоя. Ноябрь сыр, и ночь сиза.
Из дома в дым. Леса, листва. Одна.

Высоких сосен сотканный собор,
Где шепчется неверное «навек»...
За шесть секунд придуманный тобой —
Какую власть имеет человек!

* * *

я люблю тебя как боширов любил петрова
то есть в сущности ни пламени ни сугробов
только номер люкс застеленная кровать
завтра снова нам кого-нибудь
убивать

это азбука
отмерена капля яда
и гудит под крышей белый прощальный звон
и тебе конечно милая знать не надо
от кого приказ
и был ли
по сути
он

у тебя своё
по выстрелу в каждый глаз
отпечатков нет
кому бы тебя найти
ты глотаешь колу ты вспоминаешь тир
ты почти не ждёшь довольного высший класс

докурив уйти бы
фразы мои пусты
и тебя моя улыбка не валит с ног

Екатерина Макушина _____

но когда в мою подушку бормочешь ты
наконец-то сплю

и

боже

не вижу

снов

* * *

старый таксист по имени мартин
вёз меня по спящему лондону
к дому в котором я ночевала
двадцать мятно-синих ночей
двадцать раз обнимая подушку
прикасалась губами к небыли
сбывшейся совсем неожиданно
для меня

двадцать мятно-синих истаяли
семь часов до титров до хитроу
мартин говорит безмятежно
о сёстрах бронте
тоненьких
бумажно-бледных
переливших себя без остатка
в мелкий почерк на смятых страницах

а во мне проклюнутся после

мне припомнится шорох платья
горизонт за крылом качнется
станет мятно-свежо в груди
покачу я по карте яблочко
ой расскажи расскажи мне гугл
где эта улица где этот дом
где этот мартин с белыми волосами

* * *

Ящериц кто-то плетёт из бисера
Ровненько
Чешуйка к чешуйке
Он берёт зелёные бусины
Добавляет чуть желтизны
Чуть коричнево-серо-пёстрого
Он их гладит по узкой спинке
Выпускает гулять в траву
Сотканную из тёплой пряжи
К ночи все приходят назад
Заползают дремать в коробку
Изредка случается ящер
С длинной любопытной шеей
С несуразно тонкими лапками
Доползает до самого края
И цепляясь крадётсЯ вниз
В темноту и росу и шорохи
Вот тогда сияющий бисер
Обращается в чешую
Хрупкую болящую бледную
Ящер щупает носом воздух
Сразу очень хочется есть
Почему-то

* * *

в слове толерантность если честно
чудится мне что-то серо-сизое
слившееся с влажным потолком
с облупившейся кирпичной стенкой
толерантность – что-то о микробах
вот вам господа антибиотик
только для начала испытайте
выдержат микробы или нет

у неё глаза чуть-чуть косые
у меня растрёпанные мысли
он не выговаривает буквы
но рисует угли так что жжёт

под руку мы со двора выходим

скажешь мне что логики прохлада
зоркий глаз стальная гладкость речи
вызывают у тебя тревогу
оскорбляя чувства меньшинства –

где-то рядом три поддаты буквы
пляшут на сырой кирпичной стенке
хочешь я и адрес подскажу
ибо ни на грамм не толерантна
и вообще по жизни не микроб
да и ты представь себе не плесень

* * *

Догорает осень, медвяно-желт,
Белым пеплом ясеню тлеть зимой.
Ты приди ко мне, безымянный мой,
Выплынь, выплынь ночью на бережок.

С чердака – на двор, прокричу совой,
С непокрытой выскочу головой.
Там, где лижет пятки мои вода,
Не узнать ни горечи, ни стыда.

Только дай напиться сухим глазам,
Наглядеться досыта без вины.
Как бы мне хоть слово тебе сказать,
Как не ждать зовущей тебя волны...

Унесёт волна, убежит, вольна,
Ледяной укроется чешуёй.
Мне опять почудится: не до сна –
Просто гнётся осень, и снег поёт...

Ох, и крепок снег, он огня сильней –
Но плеснёт капель – до земли ожог:
Ты припомни, ласковый, обо мне,
До рассвета выплынь на бережок...

* * *

мы качались с тобой над зелёным морем
в кабинке чёртова колеса
спускавшейся и взмывавшей вновь
и плыл Новый год и все ждали снега
а я в белом платье в горох
шла домой ни капли не мёрзла
ещё
мы летели летели ловить чью-то душу
её пыталась склевать
чёрная бумажная птица
густо малёванная фломастером
чья душа знать не знаю
помню только ложилась в руки
тёплым жёлто-алым яйцом
точь-в-точь таким
какое ты
с утра найдёшь под подушкой

* * *

Мне ли петь о тебе, мне ли пить за тебя,
Мне ли память в руках угольком унести.
Эти ждут, что уснёшь, старый шрам теребя,
Недотлевшее небо лелея в горсти.

Ты пусти его в листья – лизнёт желтизна,
Разгораясь, и горы, и город нагой...
Горло высохло песнями, жжёт от вина –
Но у нас на ладонях не гаснет огонь.

* * *

Грим накладывай шесть часов.
Прорисовывай каждую складку,
Каждую впадинку и чешуйку.
Жди, пока присохнет, застынет
Твоя броня.
Вот тогда – идти и смеяться,
Ладони протягивать к огню,
Пить с локтя, не моргать под прицелом.
Вряд ли выловит чей-то взгляд
Тоненькую веточку шрама
На правой щеке,
Расцветающую сквозь шесть
Слоёв,
Ноющую к дождю –
Тебе
Не о чем беспокоиться.

Изредка –
спор ведём не ради победы,
Не оттого, что у нас свербит
в горле от слов собеседника,

А так –
Позволить себе удовольствие поединка,
Потрогать струну, вибрирующую у губ,
Услышать, как она звенит весёлым нахальством.
Вот так я намедни спорила с дядюшкой Зигмундом
За чашкой остывшего чая с молоком,
За путаной пряжей разматывающихся строчек.
С Зигмундом смешливым, седоволосым,
Никак не желавшим верить,
Что я пишу –
Просто-напросто –
О ящерицах.

...как будто мы на самом деле столкнулись
в стеклянно-белом проходе торгового центра,
– спонтанно соприкоснулись локтями и мыслями
– и вот сейчас сижу у тебя на коленях
– пуляюсь чипсами
– болтаю ногами
– а вовсе не
– выдумываю
– этих строк

* * *

У Каина белый галстук и чёрный «Паркер».
В часы досуга перебирает марки,
В ладонях вертит камни со дна морского
Шлифованные – ни выростов, ни сколов.

Ладонь в ладони, подпись, обмен словами,
Фуршет, где мало избранных, много званых,
Постель, пастель и масло, наброски яви,
Спроси спросонья: Каин, где брат твой, Авель?

А брат – убраться – сорняк, что никак не сох,
От ветра набившийся в волосы песок,
Рассаженная коленка, царапка кошки,
Пропал – и ладно, было ведь понарошку,

Никто о нём не станет дудеть в дуду,
За шиворот не потащит тебя к суду,
Да было ли? Как будто когда-то в осень,
Тебе – аж целых, брату – всего-то –
Восемь...

Умыться – кофе – с козырей новый кон.
– А вместо кона – шлёпать бы босиком.
– Ты что, опять? Да я ж тебя вроде метко...
Расставлено, расчерчено всё по клеткам,
Зачем о старом – угли, колючки, овцы?..

На зеркало дышит с той стороны.
Смеётся.

* * *

Я глажу твои виски
Легонько, едва притрагиваясь –
Кончики пальцев чувствуют
Шершавость чешуек,
Извивы костяных гребешков,
Наросты
Непробиваемого.
Но стоит чуть разомкнуть веки –
Вижу
Кожицу
Полупрозрачную,
Присыпанную снежной пылью.
Подуешь – охнется,
Вздогнут, затрепещут пластины.
Ты слети ко мне на ладонь,
Я не стану тонкое – трогать,
Я зажгу копящую лампу.
Вместе – огненной и метельной
Льнуть к стеклу.

* * *

Всё мне стынно: синью залит костёр,
Только пепел сер и роса седа.
У колен неслышно трава растёт,
Разглядеть бы, клевер ли, лебеда.

Ты ли рыщешь вороном над водой,
Ты ли змейкою прошмыгнёшь ко мне?
Как шагнул к огню, протянул ладонь
Да запутался в рыжине.

Затянуло рябью, ушло, звеня,
Но нет-нет, да эхо и дрогнет: вдруг
Не узнать ни берега, ни огня,
Ни твоих бирюзовых рук?

* * *

Где-то –
Я сплю под ступеньками дачного дома,
Не слыша скрипа над головой,
Не слыша вжуха палой листвы.
Они уезжают, а я –
Свившись лапками, гибкой шеей,
Так и не отданным хвостом –
Я с тобой,
До чешуйки, до крапинки,
До коротких ударов пульса –
Раз в минуту, а то и в две:
«Эй, ты здесь?»
«Конечно.
Спи».
«Мне тепло. А тебе?»
«Тепло».
До воды, до птичьего вздоха,
Не гадая,
Это ли – вправду – зовётся
Хладнокровием.

* * *

По другую сторону океана
Ходят мальчики в розовом, девочки в розовом,
Каждое утро рот завязывают улыбкой,
Топ-топ ножками.
Упаси их подумать: «Чёрный»,
Упаси их шепнуть: «Красный».
Только розовый, всех оттенков
Стылой позавчерашней овсянки.
Розовый сладко липнет к зубам,
Комками набивается в речь.

А по эту сторону – чёрное – чёрным,
Грязное – грязным,
Говори, говори, говори,
Жаль, никто не услышит: провод
Вчера обрезали.

Волны лижут босые пятки,
Я кричу, кричу тебе с берега,
Что закаты красны до краешка,
Что уплыть мне не,
Мне некуда –
С аллергией на розовый сахар.

Полная чаша, глухая чаща,
Слышишь – я ща, я ща,
Я счастлива!..
Только знать бы, сумела ли
Докричаться.

* * *

– Море, море,
Что ты мне дашь на память
О клубьях пены, щиколотки ласкающих?

– Я брошу тебе в ладони пару песчинок,
Чтоб было секундой больше в твоих часах.

– Море, море,
Что ты мне дашь на память
О жгучем зуде под коркой моих царапин?

– Я брошу тебе в ладони пару капелек –
Слезинок, заживляющих лучше пластыря.

– Море, море,
Что ты мне дашь на память
О синих гребнях, с головой захлебнувших?

– Я брошу тебе в ладони пару чешуек.

Они уже – частичка кожи твоей.

* * *

Люблю живых. И острых, и клыкастых –
Прыжок, укус, готово – забирай.
А ты за книгой, в вазе сохнут астры,
Свернулся в раме вылощенный рай –

Вздыхай и кайся, долг взыщи и пеню,
О бледный воск, картонный соловей,
Смотри, мой змей свернулся на ступенях –
Так беззащитен в хищности своей!

* * *

Ты беги, домой беги, родная.
Что там лодка? Держится, гляди.
Зачерпнёт, застонет под волнами –
Раз – и вверх, прижать её к груди.

Август – гроздь рябинового града,
Август – грусть, по телику реклама,
Август – пуск, сжимает пальцы мама,
Август – курс к неношеным наградам.

Что ж теперь? Присядем на дорожку.
Хлопнет ветер, гол и полосат.
В восемь лодки тонут понарошку.
Чтобы было радостней спасать.

Красная линия

Ходим мы, бродим дорогами длинными,
Ищем подсказки на карте метро.
«Не заступайте за красную линию!» –
Предупреждают добром.

Мальчики-франтики, девочки в бантиках,
Стройтесь и дружно идите в вагон.
После музея – урок математики,
Ужин, прогулка и сон.

Шагу прибавьте. Вы что поотстали?
Детям послушным шалить не к лицу.
Поезд помчит нас в далёкие дали...
Поезд пойдёт по кольцу.

Памятник дрёме, тоске и унынию –
Бурые буквы, бумажный ожог:
«Не заступайте за красную линию!»
...Главное – первый шажок.

* * *

Потерпите, Кай, я вытащу ваш осколок.
Без наркоза – больно. Боль по ночам не спит.
Шаг на ветер, белый всполох – и мир расколот.
Этот холод не прогонит ни чай, ни спирт.

Сколько стёкол разлетелось по белу свету?
Скольким людям эта ночь – ледянее льда?
Мне тампон, сестра. Подайте мои пинцеты.
До утра, даст Бог, управимся, как всегда.

Вас обнимет сон, нашепчет мечту подушка,
На заре проснётесь – будет совсем светло.
Впереди – капель, прогалины на опушке.
Потерпите, Кай... Вы плачете?
Всё прошло.

* * *

Прольётся в небо марево июля,
Опутает дремотой облака.
Что шепчет лист – услышу ли, пойму ли?
О чём поёт смешливая река?

Неси меня, неси. Раскинув руки,
Я буду пить расплавленную синь
И, этим жаром пьяная до муки,
Пойму, что больше не о чем просить.

Я выйду на песок. Качнутся ветки,
Зовя меня назад, на глубину...
Обмолвится болтливая соседка:
Намедни здесь ребёнок утонул.

* * *

...А пока не скажут, что я грешу,
Я на грех не очень-то и спешу.
Я пою, как пел, я живу, как жил,
Как Господь мне на душу положил.

Но однажды, ликом грозней войны,
Проповедник спустится со стены.
«Не ругайся здесь да не смейся там:
Ты, неверный, наш оскверняешь храм».

В вашей правде по уши – что в долгах,
По болоту топаю в сапогах.
Если вам болото – пречистый храм...
Вы простите мне. Как прощаю вам.

*Вальс во дворце
Трёх Толстяков*

Бал во дворце до ночи,
Спят на часах гвардейцы.
Три Толстяка в одышке
Топчут стеклянный пол.
Кружит по залу куклу
Мальчик с железным сердцем.
Юный наследник Тутти.
Гордость своих господ.

Где же ему увидеть:
В кукле душа живая.
Где же ему заметить
Нежность горячих глаз?
Девочка крепко-крепко
Локоть его сжимает:
Только бы не кончался
Этот последний вальс.

Стук каблучков весёлый,
Бархата мягкий шорох.
Публике на потеху
Праздничный балаган.

Дышится через силу,
Давит тягучий воздух.
Лишь оступись разочек –
И прямиком в капкан.

Разве она расслышит
Сердце его живое?
Разве тоску уловит
В звоне чеканных фраз?
...В каменной клетке зала
Кружится ветер вольный.
Только бы не кончался
Этот последний вальс.

* * *

Подкати к оврагу санки.
Сядем вместе – и вперед.
Сквозь пушистую обманку
Еле виден тонкий лёд.

Долю грозную пророчат
Чёрной стужи миражи.
Гуще тучи, дни короче...
Ты держи меня, держи.

Шалость лучшая на свете –
Капюшон смахнуть с лица
И лететь навстречу ветру
По дороге без конца.

* * *

Чёрных волос
бриз.

Плечи в волнах тонут.

Тянет прибой

вниз,

В ласковую истому.

Слов не слышать –

пусть.

Эхо дыханью вторит.

Давит в виски

пульс.

Бьёт под коленки море.

Ветра укус

груб,

Шёпот – нежнее яда.

Не разжимай

губ.

Не отводи взгляда.

* * *

А глаза у тебя –
серые.
А слова всё звенят
ласково.
Уж такая была
смелая,
За твою пошла
сказкою.

Алой лентой вилась
зорюшка,
Расплеталась коса
русая.
Ай ты воля моя,
волюшка,
Ай ты радость моя
грустная.

Где дорожка моя
торная?
Где подружки мои
верные?
Косогором иду –
гордая.

...А глаза у тебя –
серые.

* * *

Сестра мне пишет:
 за морем, вдалеке,
До ночи вился
 бледно-лиловый столп.
Быть может, горел твой дом –
 и помочь было некому?
И всего на донце
 в бочке нашлось воды?

И ещё мне пишет:
 к берегу на рассвете
Принесло волной гнилые обломки мачты.
Ты как раз хотел отправиться в море.
 Вдруг
Это ты на скалы влетел?
И, конечно, рядом не было
 острова подходящего.

И ещё письмо:
 намедни вор из воров,
Что пугал одной лишь тенью своей округу,
Был торжественно четвертован на главной
площади.
Что, если это – ты?
Ты всегда насмехался над пасторскими
розгами.

Я хватаюсь за волосы.
Долго смотрю в окно.
До слезящихся глаз.
Молиться или смеяться?
В этом мире никто не знает,
куда шагнёт.
Но не слишком ли много напастей
тебе на голову?

Я пишу в ответ,
что закат расцвечивал облако,
Что на рифы нипочём тебе не наткнуться,
Что такой, как ты,
нарвётся на нож по пьяни,
Но во веки веков не будет властями схвачен.

А по сути, друг, и я ничего не знаю.
Лишь могу водить по бумаге пером
и верить,
Что такому, как ты –
Мой смех важнее молитвы.

* * *

Если нет ни блеска, ни азарта,
Если кровь сгустилась, как кисель –
Толку ждать, какая ляжет карта?
Разве мало видели досель?

Так жужжит затёршаяся плёнка,
Жёлтой коркой засыхает клей.
Подворотня, кислота, зелёнка –
Предпоследний довод королей.

* * *

Фотография на память. Ветер, смех, раскрытый зонт.
Розоватыми волнами наплывает горизонт.
Вниз и вниз текут ступени. Город плещется у ног.
Мне и небо – по колено, вам и горы – не порог.

Так и греться, так и драться,
и ловить губами прядь.
Зонт уплыл и потерялся. Это весело – терять.
Хочешь – пей глазами пламя,
хочешь – искорки лови...
Фотография на память – чуть не сбывшейся любви.

* * *

В Калифорнии, наверно, тепло,
А у нас заиндевела трава.
Машет облако тяжёлым крылом,
Прячу пальцы на ходу в рукава.

Лёд на лужах, тонких трещинок сеть,
Ветер наискось срезает листву.
Шару лунному – над крышей висеть,
Дому старому – дремать наяву.

А под курткой у меня – три листа
И надорванный по краю конверт.
Голова моя легка и пуста,
Чуть кружится от придуманных вер.

И куда меня в ночи занесло?
Гулче эхо. На часах – без пяти.
В Калифорнии, наверно, тепло...
А и я уже согрелась почти.

Алькатрас

Бил. Ножом. А кого, за что?
Памяти узкий лаз
Набивается темнотой
С острова Алькатрас.

Неба слизь. Провода, бетон.
В скалы стучит вода.
Десять лет – засчитать за сто.
Вырваться – никогда.

Чем рискую, сползая вниз?
В холоде – что в огне.
Дураку достаётся приз.
Может, сегодня – мне?

Забросало меня песком,
Хватит и про запас.
Засосало по грудь тоской
Острова Алькатрас.

...Не меня. Я простой, иной.
Видишь, дышу, живу.
Просто мне ледяная ночь
Чудится наяву.

Память-сводница, память-вор
Целится из-под век:
Нож, свидетели, приговор,
Койка, подкоп, побег...

Обними. Заслони. Поверь.
Мне бы хоть чуть тепла.
Слышишь? Волны грохочут в дверь.
С мола вползает мгла.

Гаснут окна в пустом доме,
Гаснут в последний раз.
Мне не вырваться одному
С острова Алякатрас.

* * *

Белое небо стелется марлей,
Лоб запрокинув, лежу в снегу.
Белым воронам привычна травля:
Чёрную стерегут.

Тени больницы – бледны, стерильны.
Стонут, и карчут, и бьют крылом.
Всяк непохожий, далёкий, сильный
Кажется злом.

Красная корка, морозный глянец,
Тучи оборванные края.
Чёрная птица, с тобой останусь –
Я.

* * *

Чужая тропа – не тянет.
Овраг камышом зарос.
Надеялись: вот поманят –
И выскочу, наг и бос.

Сулили: приду напиться,
Погонит к реке жара.
Была бы чиста водица –
Всё тина да мошкара...

Не жди от меня упрёка.
Раз хочется к ним – беги.
Шуршит в темноте осока,
Вышёптывая шаги.

У самой воды, у края
Свернулись шакал и тигр.
С тобой они поиграют –
А я не любитель игр.

* * *

Ай, зараза, прям под кожу вошла.
Это кажется – броня, чешуя...
А на деле и колючка – стрела.
И никак её не вытащу я.

Что ты медлишь, мой задумчивый враг?
Добивай без суеты, без помех.
В мутном мороке почудится знак:
Рыжий всполох, обжигающий смех.

Звуки голоса сливаются в шум.
Ай, заноза – и огонь, и свинец...
Состраданья твоего не прошу.
Просто выдерни её наконец.

* * *

Замело, завело в непроглядную муть,
Где тропы не найти, не затеплить огня.
Где метель, заноса наш непройденный путь,
Меховым рукавом обнимает меня.

А когда отшумит, отзовёт, отпоёт,
Не смотри на меня, не горюй обо мне.
Под ресницами иней, под пальцами лёд,
Я тягучее небо глотаю во сне.

А вчера – «Доберусь!» – грохотало в висках.
«Доберусь!» – напрямик, по колено в снегу.
И ложились на плечи пустая тоска,
И дыханье рвалось с замерзающих губ.

Не заметишь, как высохнут капельки слёз
И проснётся ручей у корявой сосны.
Ты не плачь обо мне. Это всё не всерьёз.
Просто тихая ночь – до весны, до весны...

* * *

Руки замёрзли – дай разотру, дыхну.
Двигайся ближе, ночью мороз ударит.
В этом, поверь, не стоит винить войну.
Просто зима – которую мы не ждали.

Просто теперь мы жмёмся к плечу плечом.
Пальцы украдкой глядят твоё запястье.
Мне в темноте щекотно и горячо.
Будто рванёт – и дёрнет меня на части.

Плавиться плотью, тени сжигать в огне.
Твёрдые губы вновь отбивать у стужи...
Странные люди сходятся на войне.
После войны – никто никому не нужен.

* * *

«Клади асфальт – от самого от порога,
Чтобы прямой и гладкой была дорога.
Каждый отмерен путь и рассчитан шаг.
Что ты, дурная, прячешься в камышах?»

Мало, наверно, в школе давали взбучек,
В пятки насажаешь опять колючек,
Нет бы – из пункта А прямо к пункту Б.
Писаны правила – скажешь, не по тебе?»

Палец к губам. А губы – душистый мёд.
Видишь, меня назад никто не возьмёт.
Я и сама не помню, куда – назад...
Ветер свистит. С болота ползёт гроза.

Плавится небо, тучи дрожат от зноя.
Крепче держи. Как сладко, что ты со мною.
Гаркает гром. За раскатом идёт раскат.
В венах грохочет.
Трескается асфальт.

Ворон на крыше

Баллада

Алине

«Целый день парил, кружился
Над моею крышей ворон,
Всё высматривал добычу,
Хриплым голосом кричал.
А как тучи набежали,
День истаял тонкой свечкой –
Опустился он на крышу,
Изваянием застыл.

А под крышей – тихо, жутко,
Там жена лежит больная.
Наш наследник долгожданный
Не является на свет.
На искусство уповает
Доктор старый и ворчливый,
А священник – на молитвы.
Только толку нет как нет.

Друг мой старый, друг мой верный,
Я прошу: пойди со мною,
Поднимись ко мне на крышу,
Злую птицу прогони.

Помнишь древнее поверье:
Чёрный ворон смерть пророчит –
Только друг, с добром явившись,
Тьму от дома отведёт».

Так сказал отважный Рональд,
Без утайки всё поведал.
Только друг его устало
Протянул к огню ладонь:
«Ты напрасно веришь сказкам,
Позабудь свои печали.
Никого не сгубит ворон,
Птица глупая в ночи».

«Я и сам себе не верю, –
Отвечал с тоскою Рональд.
– Но жена моя в болезни,
За младенца страшно мне.
Неспроста из чёрной тучи
Мне на двор спустился ворон.
Утоли мои тревоги,
Злую птицу прогони».

Друг к огню нагнулся ближе
И в окно взглянул с досадой:
«Слышишь ты, как стонет ветер?
Видишь ты, как хлещет дождь?»

Лучше нам дремать в таверне,
Обнявшись с бочонком эля,
Чем в такую непогоду
Головою рисковать».

«Я и рад бы здесь остаться, –
Рональд руку другу стиснул,
– Спать до самого рассвета,
Непогоду переждать.
Ждёт меня жена, младенец,
Ждут тебя с счастливой вестью.
Принеси в мой дом надежду,
Злую птицу прогони».

Друг смолчал, усталый, сонный,
Со скамьи поднялся тихо,
Плащ невысохший накиннул,
На конюшню зашагал.
Оседлав коней проворно,
Поскакали двое в бурю,
К дому Рональда помчались,
Что за лесом, за рекой.

...Вон вдали огни сияют.
Двое скачут, чуть живые.
Вон и крыша. Пригляделись –
Нет на крыше никого!

Улетел приبلудный ворон,
Улетел давно, неожиданно.
В доме Рональда встречаются
И младенца слышен плач.

Обнял он жену, счастливый,
Тихо сына взял на руки.
Друг молчал: при нежной даме
Сквернословить ни к чему.
Столько миль в ночи промчатся
Ради блажи и причуды!
Говорил же: старым сказкам
Не напрасно веры нет.

Он шагнул к двери, угрюмый.
Рональд взял его за руку.
Так, смеясь, просил остаться –
Не хватило другу сил
Отказаться от ночлега,
И побрёл он спать покорно,
Непристойные сравненья
Бормоча себе под нос.

...А наутро друг вернулся
В ту таверну за поклажей –
А в таверне не осталось
Ни одной души живой.

Тихо спят в своих постелях
И хозяева, и гости.
От разбойничьих кинжалов –
Не проснутся никогда.

Старый ворон, глупый ворон,
Позабывтое поверье.
У него не ищут правды,
Веря сердцу своему.
Только легче, если рядом
Тихо бьётся сердце друга.
Друга – верного и в бурю,
И у бочки во хмелю!

* * *

Не напеться... даже не напиться.
До весны – неметь и обмирать.
Блеклые холодные страницы
Лампе вновь подставила тетрадь.

Вязнет слово, выцветает нота.
Некому кричать из пустоты.
А слышали, будто за болотом
Прорастают белые цветы...

Прикипела жалоба к гортани,
Приросла чужая чешуя.
Ящерка с болотными цветами,
Где же ты, насмешница моя?

* * *

Там, где шли напрямик – забор,
Где распахнута дверь – запор,
На дороге любой – затор.
Всё, приехали.
Огорожен стеною двор.
Под ногами лежал ковёр,
А теперь за тобой – конвой.
И до смеха ли?

За заборами шепчет лес,
А твердят, что смущает бес.
Что не нужен нам позарез
Жёлудь с веточки...
Давит на спину перевес,
А не то бы я перелез...
Но пока – не пал, не воскрес.
Небо в клеточку.

Неба вычерченный квадрат,
В небе шахматная игра,
Ты дошёл до края и рад:
Дали роздыху.
Будут хаять и жечь огнём,
Только выбери ход конём,
Чтобы прыгнули мы вдвоём –
Выше воздуха.

* * *

По слову в месяц – тихие стихи,
Усталый дым курится без огня...
И прежде, чем проснутся петухи,
Ты первым отречёшься от меня.

Куда теперь? За сердцем, за умом?
Расходятся дороги в темноте.
Одна кружит, петляет за холмом,
Другая – напрямик – туман и тень...

На листья лечь. Щекой зарыться в сон.
Там нет зимы, там мягок снег, как пух.
Там ты идёшь оврагами – босой.
И рвётся смех, и ветер южный сух.

...Уходит дрёма – песенка проста:
Открыть тетрадь, по следу вить строку...
И трижды целовать тебя в уста.
И эту чашу – вместе, по глотку.

* * *

Под горой догорают свечи.
Город горбится. Город-ком:
То ли рухнет тебе на плечи,
То ли охнет под каблуком.

Снова подписи, строки, речи –
Непокорных крутить-вязать...
Из-под век воспалённый вечер
Проливается на глаза.

Край обрыва. Уступ подушки.
Скоро – пропасть. Пока – кровать.
Ты уснёшь – хоть пали из пушки –
Утомившийся целовать...

Темнота расстилает крону,
Пульс колотится – до-ми-ре...
Нас до утра никто не тронет
В нашем Городе-на-Горе.

* * *

Слог на слово, скок-поскок – строчки.
Сон на соло, лень на день – мена.
Посмеялись и бывай – точка.
Скоро схлопнутся в кольцо – стены.

Скоро будем промывать – окна,
Еле слышно лепетать – правду.
Плещет вишня на губах – соком.
Расплевались, обнялись – раунд.

На морозе подтяну ворот,
Вон снежинка на стекле – плачет...
Я украла у тебя – город.
Я верну тебе страну – сдачей.

Гуси-лебеди

Говорили мне
 сёстры милые,
Говорили
 батюшка с матушкой:
Не ходи ты
 тропкой болотною,
Не ищи клубок
 потерявшийся.

Пряжа тонкая,
 нитка прочная
Уведут тебя –
 не воротисься.
Не видать тебе
 света белого,
Коль скогтят тебя
 гуси-лебеди.

У меня в косе
 лента шёлкова,
У меня в доме –
 солнце красное.
А клубок в пыли –
 сизой ящеркой.
Всё под горушку
 манит-катится.

Поведут к нему
ноги босые,
Чуть роса
покажется бледная...
И тоской меня
умывает ночь.
И кричат во мне
гуси-лебеди.

* * *

Наша планета размером с город.
Ладно, не хвастая – городишко.
Шапку надвинуть, расправить ворот –
Холодно. Холодно, но не слишком.

Скоро – скрипучие минус сорок.
Ртутный бульон замерзает к вечеру.
Пепел на ветер – костровый морок.
Хочется дела – а делать нечего.

На лоскуты разошлась дорога,
Взрывом изрыта и в гору вплавлена.
«Наше!» «Моё!» «Не твоё!» «Не трогай!»
Всё, доигрались в войну по правилам.

Сводки-обидки, обрывки-новости
Бились, метались до часа тихого...
Выцвели совести, кончились повести,
Хочется выдоха – нету выхода.

Водки глоток, шоколада плитка.
Те, кто остался – за тех, кто выжжен.
Из-под ладони твоя улыбка
Каплями воска на пальцы брызжет.

Хохот без эха, без звука – похоть.
В шубах, в снегах – нагота босая.
Наша планета размером с локоть –
Локоть, которым тебя касаюсь.

* * *

М. Ф.

Неваляшка-неваляшка, голова пуста.
Полям подрана рубашка, полый я – устал.
Пахнет пылью и полынью, на реке жара.
Неваляшку потащила в воду дет-во-ра.

Невидимка на картинке – мой воздушный змей.
Два полцарства за поимку – а ловить не смей.
Забирает выше крыши, угодит в тюрьму.
Ты же вышел, снова вышел – помахать ему.

Скачет мячик влево-вправо, на пенёк – прыг-скок.
Загоню его в канаву – только дайте срок.
Солнце-слива соком брызнет – не стирай с лица.
До тебя мне в этой жизни – не дотро-нуть-ся.

* * *

Размывает асфальт под ногами.
Оступился – не встанешь, плыви.
И к кому ты пришла, дорогая?
Не сезон говорить о любви.

На карниз наплывают барашки,
Ной отчалил и Хам помахал.
Если холодно – скину рубашку,
Надевай: не меха – но суха...

Ох и выдалась нынче погода!
Жажду выть – надо скрыть, надо скрыть;
Всё под боком: и водка, и лодка –
Можем плыть, мне бы прыть, мне бы прыть...

Мне бы с воплем прижаться: родная!
Обними, сохрани от беды!..
...Что ты, дурочка? Плакать не надо.
Здесь по горло солёной воды.

* * *

На чужой стороне – ни тоска, ни беда.
Тихий лес, белый хлеб, ключевая вода.
Журавли в облаках да синица в руке...
Но вокруг говорят на чужом языке.

Вроде те же слова – только слышится ложь,
И трещит голова – ничего не поймёшь.
Ты с пустыми людьми говоришь о пустом.
Всё устало, постыло – и всё не о том.

И рванёшься назад – сквозь ветра и дожди...
Это присказка, милый, а быль впереди.
Наша быль пострашнее задумок любых:
Ты же дома остался, ты свой у своих,

Но однажды проснёшься, откроешь глаза.
Ты кого-то услышал. Ты что-то сказал.
И заколет в боку, и прострелит в виске:
Все свои говорят на чужом языке.

* * *

Если долго вглядываться в бездну...
Что тогда? А в общем, ничего.
Не утянет в землю с головой,
Не ударит в спину гром небесный,
Если долго вглядываться в бездну.

Сам и не заметишь поначалу:
Легче шаг и сладостней дышать.
Так привольно только малышам.
Ты смеёшься, где иной ворчал бы –
Сам и не заметишь поначалу.

Плещет опрокинутое небо –
Ветер, синь, расколотая тишь.
Оттолкнись – и ты уже летишь
В душный май, пионовую небыль...
Падай в опрокинутое небо.

Если долго вглядываться в бездну,
Что в итоге? Рой враждебных лиц,
Жалящие стрелы из глазниц,
Суд за нарушение границ –
Но стена с решёткой бесполезны,
Если долго вглядываться в бездну.

* * *

Она вылупляется через час.
В блокноте осталась пара листков.
Сегодня последний день наблюдений,
Последняя запись.
Всё, что набросано, я оставляю тебе –
На всякий случай.
Хочешь, пошли в Академию,
Хочешь, жёлтой продай газетёнке.
Или сожги.
Спички на кухне.

Она вылупляется через час.
Я всё подготовил:
Гнездо, застеленное тряпьём,
Лампы, стёкла.
Помню, ты советовал клетку –
Да толку?
Если рванёт,
Если почует во мне сомнения,
Милый мой, ни прутья, ни стены
Её не сдержат.

Она вылупляется через час.
Помнишь, карабкались по тропе,
Ворочали камни,
И я наткнулся на тёмное, круглое
В серой пыли.

В шутку ты уговаривал: «Брось!»
А может, не в шутку.
Но ты и сам понимаешь:
Дело не в званиях, не в открытиях,
Дело в том, что любое яйцо
Должно разломиться изнутри.

Я тихо жду её у разлома.
Холодно пальцам, смежаются веки,
Слышу, как трещит скорлупа:
«Скоро – скоро – скоро!»
По потолку расплзаются трещины,
Пол пузырится, окна хохочут,
Стены клопочут.
Я обнимаю круглое, тёплое.
Струйки солнца метят в глаза.
Я вылупляюсь через час.
Господи.

Апокриф

Ветхие, загнутые страницы,
Строчки-цепочки, к звену звено...
Этого не было. Годы, лица –
Всё затянуло морское дно.

Тина укроет, песок схоронит –
Толку ногой ворошить печаль?
Этого не было. Берег ровный,
Волны поют, валуны молчат.

Хочешь – распахивай том за томом,
Гладкую правду ласкай, как шёлк.
Эту книжонку беречь не стоит:
Кто-то найдёт, полетит слушок,

Мол, еретик, с воровской ухваткой,
Ложью любого накормит с рук...
Помнят – не прятавшие украдкой,
Помнят – кричавшие книгу вслух:

Шли босиком, обнимая волны,
Вниз, в темноту, по моим следам...
Что ты, мой маленький? Спи спокойно.
Этого не было никогда.

* * *

Ящерицы, сестрицы мои, смеялись:
Что ж ты боишься выйти к нему на мост?
Руку протянет – право, какая малость.
Хвост ему кинешь – вырастет новый хвост.

Солнце внизу кувшинками прорастает,
Ряска-тоска не скроет его из глаз.
Встать. Досчитать до ста. Кожура пустая –
Всё, что тебе останется после нас.
Так поучали знающие – меньшую:
Вейся и смейся, не открывай имён...

Тронешь хотя б одну из моих чешуек –
Кожей вращёшь в меня до конца времён.

* * *

Чадом, черешней, девяткой червей
В руки ложишься да вьёшься меж пальцев.
В глотку вбивается зной-суховей,
Падают вдохи, вскрывается панцирь.

Вдаль по следам, по слогам, по созвездиям
Ночи бессонной, огарка рассвета
Имя ли, номер припомню, проведу –
Снова-здорово, гудки без ответа.

Снова – задором – за дымом, за долей
К камню ль горячему, в лаву ль бурлящую,
Будто и ты выбегаешь из дома,
Чтобы окликнуть меня – настоящую.

* * *

Паутинка ветра,
Снулые дома,
Пёрышком по свету
Катится зима.

Где клубочек серый,
Где увязнет шаг –
Побредём на север,
Листья вороша.

Поперёк дорога,
Память далека,
Под рукою дрогнет
Тёплая рука.

Не отринуть встречи,
Не кивнуть назад...
Талые, как вечер,
У тебя глаза.

* * *

Мне не хватит тебя – на развес,
по куску, по крупинке.
Я последнюю мелочь в ладони твои натрясу.
Посмеётся удача, вильнёт полосатою спинкой:
Обнищал покупатель, да что до него продавцу.

От жары не избавит шипучий глоток лимонада,
Только горло дерёт, только колкая
пенится грусть.
Ухожу без покупок, и скидочной карты не надо.
Забери меня даром. А нет – я и так перебьюсь.

* * *

Я тогда белила белое,
Пальцы бедные – в мелу.
Всё вилась дорога берегом,
Ей ли – к острому углу?

Ей ли боль и боль распахнуты,
Пятна жира, жизни жар?
Я тогда играла в шахматы:
Е-4, окружай.

Пятью-пять, тетрадки в клеточку,
Пробужденье, взгляд косой...
Я тогда носила ленточку
С жёлто-чёрной полосой.

Чекист

У него было в жизни всё:
добра – вагонами,
Новый китель
с подполковничьими погонами.
Дача под Москвой,
Домик над Невой...

Словом, жил себе – не тужил.
И в свободное время
Родине служил.
Не гулял, не пил,
форму держал спартанскую.
А женился давно,
говорят, еще в Гражданскую.
И текла бы жизнь,
вилась по своей канве...
Но увидел её –
как обухом по голове.

Поначалу маялся,
Ночами
в подушку каялся.
Потом плюнул:
семь бед – один ответ.
Подошёл без страха
и тихо шагнул на свет.

– Отвечай сейчас же, как было:
Что у Фединых ты говорила?

Ты, к Минаевым приходя,
Строила планы убить вождя?

Надломилась худые плечи.
Прошептала:
– Дурные речи.

Про убийство – злобный навет.
В остальном не раскаюсь, нет.

– Собирайтесь. Восемь минут.
Вас давно на Лубянке ждут.

Заметалась она по комнате.
Восемь минут – да и те расколоты.

То оставить, а то схватить...
Обвинить? Зачеркнуть? Простить?

Едут, едут...
Ветер за ворот.
Вроде в центр –
а свернули за город.

Гуще глушь. Вдоль дороги – лес.
За рекой не один исчез.

Он тихонько достал пакет:
– Шансов мало, почти что нет.

Но попробуй выжить, пролезть.
Документы и деньги – здесь.

– Ты-то как же?
Он улыбается:
– Это, друг, лишь меня касается.

– Не оставлю! Бежим со мной!
– Нет уж. Лучше – тебе одной.

Воротясь домой, как во сне,
Пару строчек черкнул жене.
Чуть дыша, отворил окно.
За стеклом свежо и темно.
Гроздя неба, луны излом...
Он не видел: жил за стеклом.

У него было в жизни всё:
добра – вагонами,
Новый китель
с подполковничьими погонами.

Екатерина Макушина _____

Право миловать и казнить,
разлучать на годы...
Не хватило глотка любви
да клочка свободы.

Королевская охота

Королевская охота – заливаются рога.
По спине потоки пота, сердце просится в бега.

Спуск курка – рука не дрогнет,
всем вскинется зверьё...
Королевская охота – преступление моё.

У тебя – гора патронов, у меня – один прыжок.
Под ветвями старых клёнов собирается кружок.

Ну, давайте, кто смелее? Кто подарит забытьё?
Королевская охота – наказание моё.

Тёмной струйкой кровь шальная
подсыхает на снегу.
Я тебя почти не знаю. Я бороться не могу.

Унеси меня отсюда. Мы останемся вдвоём...
Королевская охота – оправдание моё.

Студентка

Невинно и неприкаянно
Блуждает солнце по кодексу.
Хочу прикинуться каменной,
Как те героини комикса.

Да просто нынче не в голосе:
Рубашкой выпала карта.
Опять распушили волосы
Девчонки за первой партой.

Смеётся апрель-волшебник:
Не верьте календарю...
Мне надо смотреть в учебник,
А я на тебя смотрю.

* * *

Собирались тучи, давила мгла –
Саламандру горную ты нашла.

Принесла домой, завернула в плед,
Словно здесь жила она сотню лет.

Я просил: «Оставь, не мани беду».
Только сам теперь по дождю бреду.

Я бреду один, я в ночи кружу
Да украдкой в окна твои гляжу.

Там, где ждали зорюшку мы вдвоём –
Саламандра спит на плече твоём.

И в чернильно-бархатной темноте
Огонёк искрит на её хвосте.

Будет ночь тиха, будет сон глубок,
За кровать закатится уголёк,

Разгорится пламя, сверкнёт в дыму,
К изголовью спустится твоему...

Но пока твой дом не узнал огня,
И на помощь ты не зовёшь меня.

Екатерина Макушина _____

Только дремлют липы в ночной тиши
Да у речки шепчутся камыши,

Да с востока тянет заря крыло...
Ты, конечно, спишь. И тебе тепло.

Крысолов

Что ты видел, по дорогам шагая?
Что искал своей мятежной душой?
Не ходи ты, крысолов, в старый Гаммельн.
В старом Гаммельне и так хорошо.

Наши бюргеры хмельны да речисты,
А в истоптанных речах – пыль и прах.
У отца у моего, бургомистра,
Крест на шее и запор на дверях.

Нас не манят чужедальные выси –
Нам отрадно в толкотне площадей.
Ну а если вдруг заводятся крысы –
Нипочём не отличишь от людей.

Не ищи себе забот: дело к ночи,
Спать ложится наш почтенный народ...
Что ж ты, дудочка, поёшь да хохочешь?
И куда меня зовёшь от ворот?

Как созвучны мы с тобой, как похожи!
С каждым шагом – всё вернее побег.
Если музыка и крысу тревожит,
Значит, крыса в этот миг – человек.

Екатерина Макушина _____

Небо чёрное журчит под ногами,
Тихо клонится к воде камышом.
Не вернёмся мы с тобой в старый Гаммельн.
В нашей песне нам и так хорошо.

Содержание

«Травы и трели, запах пряный...»	3
«удовольствие видеть коробки многоэтажек...»	4
«С утра ей звонит командир подводной лодки...»	5
«Кто-то приезжает в мой город...»	7
«А знаешь, в самом пиковом раскладе...»	9
Детская энциклопедия	11
«...А если устанешь от сказок и песен...»	13
...С дикими гусями	14
«Клокочет дождь, расклеился январь...»	15
«Говорю: мне горек снег и нора тесна...»	16
«Садились ужинать, зажигали сонную лампу...»	18
«Просто клип из моих нулевых...»	19
«вера сергеевна подаёт на развод...»	20
«То ли вордовский лист, то ли Яндекс на минималках...»	22
«В девяносто девятом, когда пионы были по грудь...» ...	23
«расползаясь по зонам комфорта...»	25
«Я не видела счастливей весны...»	26
«Синий цвет подснежники роняют...»	27
«пора умножать» говорит иванов...»	28
«Тихо, началось, идёт экзамен...»	30
«И лицо подставить ветру...»	31
«На рыжем перроне потянет смолой и дождём...»	32

«Самара – Лиски...»	33
«Тропинки, строки, повести...»	35
Ветер с морей	36
«Взяла два початка, не думая, не вспоминая...»	43
«Роняла камни...»	44
«Холодно в холле, холодно в спальне...»	45
«Прощаясь, и жесту, и звуку давали пощаду...»	46
«Василиса, лисонька, во лесу...»	47
«Domini canes, Господни псы...»	48
«На Владыкино продувает куртку насквозь...»	49
«Братец Лис, веселись, я опять влипаю в смолу...»	50
«А дождя не случилось...»	51
«Без дома, без воли, без страха...»	52
«Я шагаю в вагон, капюшон на глаза...»	53
«Минус десять. Москва. Тонкий пояс реки...»	54
«Пристегните ремни, положите под кресло рюкзак...»	55
«О чае с молоком, о ветчине...»	56
«Хорошо, когда ветка – прямо в аэропорт...»	57
«То ли штору спустить, то ли в окнах считать огоньки...»	58
«Вейся, вейся дымным пухом, белым вишнёвым цветком...»	59
«Змеи приходят с болот под конец весны...»	60
«По капле река истекает из неба...»	61
Лето	62
«О ржи, о лжи, о ржавчине – дрожа...»	65
«Помолчать о тебе – не затронуть ни снов, ни основы...»	66

«я люблю тебя как боширов любил петрова...»	67
«старый таксист по имени мартин...»	69
«Ящериц кто-то плетёт из бисера...»	70
«в слове толерантность если честно...»	71
«Догорает ясень, медвяно-желт...»	72
«мы качались с тобой над зелёным морем...»	73
«Мне ли петь о тебе, мне ли пить за тебя...»	74
«Грим накладывай шесть часов...»	75
«Изредка – спор ведём не ради победы...»	76
«– Давай – как будто волосы на твоём теле – чешуйки...»	77
«У Каина белый галстук и чёрный «Паркер»...»	79
«Я глажу твои виски...»	80
«Всё мне стынно: синью залит костёр...»	81
«Где-то – я сплю под ступеньками дачного дома...» ...	82
«По другую сторону океана...»	83
«– Море, море, что ты мне дашь на память...»	84
«Как татары ушли – нам осталась полынная гарь...» .	85
«Люблю живых. И острых, и клыкастых...»	86
«Ты беги, домой беги, родная...»	87
Красная линия	88
«Потерпите, Кай, я вытащу ваш осколок...»	89
«Прольётся в небо марево июля...»	90
«...А пока не скажут, что я грешу...»	91
Вальс во дворце Трёх Толстяков	92
«Подкати к оврагу санки...»	94
«Чёрных волос бриз...»	95
«А глаза у тебя – серые...»	96
«Сестра мне пишет: за морем, вдалеке...»	97

«Если нет ни блеска, ни азарта...»	99
«Фотография на память. Ветер, смех, раскрытый зонт...»	100
«В Калифорнии, наверно, тепло...»	101
Алькатрас	102
«Белое небо стелется марлей...»	104
«Чужая тропа – не тянет...»	105
«Ай, зараза, прям под кожу вошла...»	106
«Замело, завело в непроглядную муть...»	107
«Руки замёрзли – дай разотру, дыхну...»	108
«Клади асфальт – от самого от порога...»	109
Ворон на крыше (баллада)	110
«Не напеться... даже не напиться...»	115
«Там, где шли напрямик – забор...»	116
«По слову в месяц – тихие стихи...»	117
«Под горой догорают свечи...»	118
«Слог на слово, скок-поскок – строчки...»	119
Гуси-лебеди	120
«Наша планета размером с город...»	122
«Неваляшка-неваляшка, голова пуста...»	123
«...Пузыри ползут по пузу, подымаются к груди...» ..	124
«Размывает асфальт под ногами...»	125
«На чужой стороне – ни тоска, ни беда...»	126
«Если долго вглядываться в бездну...»	127
«Она вылупляется через час...»	128
Апокриф	130
«Ящерицы, сестрицы мои, смеялись...»	131

«Чадом, черешней, девяткой червей...»	132
«Паутинка ветра...»	133
«Мне не хватит тебя – на развес, по куску, по крупинке...»	134
«Я тогда белила белое...»	135
Чекист	136
Королевская охота	141
Студентка	142
«Собирались тучи, давила мгла...»	143
Крысолов	145

Екатерина Макушина

КРАЙ КОНВЕРТА

Верстка – О. Сотникова
Корректор – Н. Белявцева

Подписано в печать 15.06.2021 г.
Формат набора 70x100/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,12.
Заказ № 562. Тираж 300 экз.

Отпечатано в АО «Воронежская областная типография –
издательство им. Е.А. Болховитинова»
394071, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73а.
www.oblprint.ru
тел.: 8(473)20-20-900, 277-75-77